

СОЛНЦЕ

РОССІИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антона Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

Юные годы А. П. Чехова.

(Воспоминанія школьнаго товарища).

Въ 1869 г. я поступилъ въ таганрогскую гимназію и ужъ засталъ въ ней Антона и Александра Чеховыхъ. Съ Антономъ мы были погодки и шли вмѣстѣ до четвертаго класса, гдѣ остался на повторительный курсъ; но въ пятомъ классѣ мы встрѣтились снова, такъ какъ Антона Павловича постигла та же участь.

Я зналъ Антона раньше поступленія его въ гимназію, г бытность его ученикомъ греческой школы при Константино Еленинской церкви. Въ оградѣ этой церкви и состоялось мое первое знакомство съ Антономъ Павловичемъ. Тѣнистая ограда была излюбленнымъ мѣстомъ подросткомъ мальчиковъ, куда они собирались ежедневно поиграть, а иногда и подразнить грузу школьниковъ Вуцину, собираясь толпою къ открытому окну класса, гдѣ преподавалъ этотъ учитель, и напѣвая въ всѣ лады: «грекъ-пендось, на парѣ колесъ воды не доведешь. Такой концертъ вызывалъ всякій разъ страшный гнѣвъ Вуцины. Разъяренный, онъ выбѣгалъ во дворъ съ линейкою въ рукахъ и осыпалъ насъ отборною бранью на греческомъ языкѣ. Понятно, мы всѣ разсыпались въ разныя стороны, Вуцина возвращался въ классъ вымещать гнѣвъ на бѣдныхъ ученикахъ.

Въ гимназіи я сошелся очень близко съ Антономъ Павловичемъ на почвѣ весьма распространеннаго тогда въ Таганрогѣ среди учащейся молодежи спорта, а, именно, ловли щегловъ, чижей и прочихъ пернатыхъ.

Семья Чеховыхъ проживала тогда въ собственномъ домѣ по Конторской (нынѣ Елисаветинской) улицѣ. Отецъ Антона Павловича, Павелъ Егоровичъ, сначала занималъ скромное мѣсто старшаго приказчика въ бакалейномъ магазинѣ Кобылина, мѣстнаго богача, а впоследствии открылъ собственный магазинъ на углу Монастырской (нынѣ Александровской) улицы и Ярмарочнаго (теперь Гоголевскаго) переулка, въ которомъ часто можно было видѣть будущаго писателя отвѣщающимъ товаръ покупателямъ.

Въ домѣ Чеховыхъ мнѣ не приходилось бывать, но за то сколько долгихъ часовъ я проводилъ осенью съ Антономъ

Павловичем на большомъ пустырѣ за ихъ дворомъ, притаившись за рогожною «принадою» и поджидая момента, когда стая щегловъ или чижей, привлеченная призывными кликами товарищей, заключенныхъ въ вывѣшенную передъ «принадою» клѣтку, опустится съ веселымъ чирканьемъ на пучки конопля и репейника, растыканные впереди этого сооружения. Съ затаеннымъ дыханіемъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, дрожащею рукою, старался кто-нибудь изъ насъ, сквозь отверстие, продѣланное въ рогожѣ, осторожно навести волосяной силокъ, трикрѣпленный къ длинной камышинѣ, на головку птички и, если это удавалось, то съ какимъ торжествомъ ташили мы, черезъ отверстие, полузадушенную птичку, которую, освободивъ изъ петли, заключали въ ту-же пригтовленную клѣтку.

Съ годами увлеченіе ловлей щеглятъ и «охотой за черепами» прошло, и мы начали увлекаться литературой и театромъ.

Наряду съ этимъ мы страстно увлекались театромъ. Всѣ наши сбереженія и карманныя деньги мы несли на галерею (галерку) театра. Къ завязтымъ театральнымъ принадлежалъ и Антонъ Павловичъ.

Литературный талантъ обнаружился у Антона Павловича уже въ эти юношескіе годы.

Я помню, въ тѣ времена издавался нами гимназическій журналъ подъ названіемъ, кажется, «Звѣздочка», въ которомъ первое и, конечно, самое почетное мѣсто занимали: Антонъ Павловичъ и товарищъ нашъ по классу Натанъ Богоразъ (нынѣ извѣстный поэтъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Танъ»).

Прозвищемъ «Чехонте», даннымъ ему уважаемымъ за коноучителемъ нашимъ, покойнымъ протоіереемъ Ф. П. Покровскимъ, любившимъ въ шутку переименовывать фамиліи учениковъ, Антонъ Павловичъ воспользовался какъ псевдонимомъ, которымъ онъ подписывалъ въ позднѣйшее время свои первыя произведенія въ юмористическихъ журналахъ.

Издѣдка, вмѣстѣ со мною, Антонъ Павловичъ навѣшалъ товарищей нашихъ К-выхъ, проживавшихъ недалеко отъ меня. Семья К-выхъ состояла въ то время изъ матери-вдовы, пяти сыновей и замужней дочери, жившей съ мужемъ въ смежномъ флигелѣ. Старшій сынъ и двое младшихъ занимали съ матерью верхній этажъ, а въ нижнемъ, полуподвальномъ, ютились наши товарищи.

Это была, положительно, семья «Ванюшиныхъ». Наверху не было дѣла никому до того, что творилось внизу.

А внизу происходили покойки складчину, игра въ карты на деньги, чтеніе легкомысленныхъ произведеній и т. п. Приходили туда кто хотѣлъ и когда хотѣлъ.

Общество тамъ собиралось весьма смѣшанное и все молодежь отъ 14 до 17 лѣтъ. Квартира эта была убѣжищемъ для тѣхъ: тамъ скрывались отъ гнѣва родительскаго ученики, рѣзавшіеся на экзаменахъ; туда-же съ утра являлись тѣ, которые по какимъ-либо причинамъ не хотѣли идти въ гимназію. Приходили съ учебниками и просиживали вплоть до обѣда, развлекаясь игрою въ карты. Къ чести Антона Павловича нужно отнести, — онъ никогда не принималъ участія въ этомъ миломъ времяпрепровожденіи. Да и бывалъ онъ тамъ довольно рѣдко и только по наслышкѣ узнавалъ о тѣхъ озорствахъ, которыя тамъ учинялись. А во флигелѣ, у замужней сестры К-выхъ, онъ бывалъ съ удовольствіемъ. Тамъ всегда собиралось большое общество взрослыхъ и молодежи. Разговоръ обыкновенно вертѣлся около театра, такъ какъ и хозяйинъ и гости были завязатыми театральными. Въ одно изъ такихъ собраний, среди нѣкоторыхъ гостей возникла мысль объ устройствѣ любительскаго спектакля. Мысль была подхвачена всѣми съ восторгомъ. Рѣшено было приспособить для этой цѣли большой, пустующій въ глубинѣ двора, амбаръ. Труппа, сейчасъ-же составившая, иреимушественно изъ сбѣдѣй, причѣмъ къ женскому персоналу ея добровольно причислили себя и Антонъ Павловичъ. Мужской персоналъ бразовался изъ хозяина дома А. П. Я-ва, Александра и Нилыя Чеховыхъ, меня и еще нѣсколькихъ лицъ.

Уже черезъ два-три дня послѣ рѣшенія этого вопроса,

Горькій, Федоровъ, Бунинъ, Чеховъ, Елпатыесскій, Купринъ.

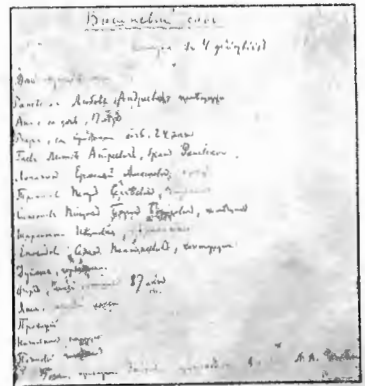
застучали въ амбарѣ молотки плотниковъ, ставящихъ подмостки для сцены, приглашенный художникъ, въ сотрудничествѣ Николая Павловича Чехова, началъ писать декорации, а мы приступили къ выбору пьесы.

Для открытія остановились на пьесѣ «Ямщики или шалость гусарскаго офицера», не помню уже какого автора. Рѣли въ этой пьесѣ были распределены слѣдующимъ образомъ: гусарскаго офицера игралъ одинъ изъ товарищей хозяина; станціоннаго смотрителя — Александръ Павловичъ Чеховъ; сборщика на церковь — А. П. Яковлевъ; дочь смотрителя — его жена; молодого ямщика — я и, наконецъ, старуху-старостиху — Антонъ Павловичъ Чеховъ. Репетировали мы эту пьесу не менѣ десяти разъ, и она у насъ прошла великолѣпно. Нѣтъ нужды, что у гусарскаго офицера, принадлежность его къ военному званію, опредѣлялась единственно фуражкой съ кокардой, что сборщикъ на церковь разгуливалъ въ турецкомъ халатѣ, и что станціонный смотритель шеголялъ въ мундирѣ таможеннаго вѣдомства съ шитымъ золотомъ воротникомъ. Всѣ эти шереховатости искупились художественною игрою Антона Павловича. Нельзя себѣ представить того гомерическаго хохота, который раздавался въ публикѣ при каждомъ появленіи старостихи. И нужно отдать справедливость Антону Павловичу — игралъ онъ мастерски, а загримированъ былъ идеально.

Съ легкой руки Антона Павловича въ нашемъ околоткѣ спектакли эти пользовались громаднымъ успѣхомъ и всегда дѣлали полные сборы. Публика на эти спектакли допускалась только избранная, преимущественно обитатели квартала, и за минимальную плату.

Необходимо добавить, что спектакли давались съ благотворительною цѣлью и на афишахъ, писанныхъ рукою Николая Чехова, всегда значилось, что сборъ со спектакля предназначается въ пользу «одного бѣднаго семейства». Такъ и хъ спектаклей въ то лѣто дано было шесть, но я не вспомню хорошенько въ какихъ гзѣнихъ выступалъ еще Антонъ Павловичъ. Фигура старостихи заслонила собою другія его роли.

А. Гросси

Оригиналъ первой страницы „Видневаго сада“.